

УДК 821.161.1.09"19/20"(092)Водолазкин Е.Г.

DOI 10.52928/2070-1608-2026-78-2-61-65

**НАРРАТИВНЫЙ ЗАЛОГ КАК МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
В РОМАНЕ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «СОЛОВЬЁВ И ЛАРИОНОВ»****А.А. ФЕОКТИСТОВ***(Белорусский государственный университет, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9314-9468>e-mail: tohsa01@gmail.com

В статье описывается «формальное» наполнение категории нарративного залога, в основе которого лежит оппозиция активность/пассивность в центре и переходность/непереходность на периферии. Данные семантические свойства рассматриваются как предпосылки к отражению нарративного залога как философски наполненной категории в романе Е.Г. Водолазкина «Соловьёв и Ларионов». Анализ мотивов двойничества и детства в романе позволяет говорить о том, что в его художественном универсуме идея полифонической ориентации на Другого дополняются концепцией существования в едином идеальном пространстве субстанциальных деятелей по Н.О. Лосскому. По причине того, что именно ориентация на объект-Другого является фактором, определяющим причастность личности к субстанциальному пространству, для нарративного залога как метафизически наполненной категории показатель переходности/непереходности центрируется – становится более значимым.

Ключевые слова: нарративный залог, Соловьёв и Ларионов, полифония, двойничество, субстанциальный деятель, Другой, детство.

Введение. Определяя проблемное поле нарративного залога, Жерар Женетт говорит об интересе поэтики к «производящей инстанции нарративного дискурса» [1, с. 403], то есть внимание обращается на наррацию – сам акт порождения высказывания. При этом исследователь выделяет три аспекта наррации: время, уровень, лицо. Время определяется хронологическим отношением порождающего и порождаемого дискурсов, уровень – их иерархическими отношениями, а категория лица рассматривает включённость/невключённость субъекта порождения в порождаемое. Используемые данной методологией категории имеют асемантический характер: описывают структурно-количественную сторону повествования. В связи с этим они становятся удобным инструментом, требующим, однако, метафизического наполнения.

Семантизация «формальных» категорий нарратологии может осуществляться с помощью возврата к лингвистическим, и, далее, философским корням этих понятий. Жерар Женетт опирается на концепцию «субъективности в языке» Эмиля Бенвениста: ««Субъективность» <...> есть способность говорящего представлять себя в качестве «субъекта». Она определяется не чувством самого себя, имеющимся у каждого человека <...> а как психическое единство, трансцендентное по отношению к совокупности полученного опыта, объединяемого этим единством, и обеспечивающее постоянство сознания» [2, с. 294]. Проблема залога здесь раскрывается с иной стороны – как смежная вопросу природы гносеологического субъекта, познания в целом.

Эмиль Бенвенист в «Общей грамматике» описывает залог, опираясь на оппозицию активность/пассивность. «Школьное» представление в русском языкознании поступает точно так же, рассматривая залоговые действительный, когда действие совершает сам субъект, и страдательный, когда действие совершается над грамматическим субъектом, становящимся объектом семантически. При этом научное осмысление категории лингвистического залога отличается разрозненностью: так, выделяются как минимум четыре направления понимания залога, учитывающих в первую очередь как морфолого-синтаксические, так и сугубо морфологические характеристики [3].

Для диалога лингвистики и нарратологии, на наш взгляд, наиболее продуктивен подход функциональных полей А.В. Бондарко, в основе которого лежит учёт «общности семантических функций» разных слоёв лингвистики: как грамматики, так и лексики [4, с. 21]. В практическом отношении это означает рассмотрение в поле залоговости, помимо категории активность/пассивность, ещё и возвратности/невозвратности, а также, хотя и периферии относительно первых двух, переходности/непереходности. Последняя оппозиция, ввиду своей направленности именно на объект, проясняет, что в поле внимания залога как нарративной категории также невозможно обойтись без объекта, только не обособленного, а в его взаимодействии с субъектом.

Целью данного исследования является рассмотрение взаимодействия «формальной» категории нарративного залога с философскими идеями М.М. Бахтина и Н.О. Лосского, раскрывающими её смысловой потенциал. Анализ осуществляется на концептуально органичном и актуальном материале – романе современного русского писателя Е.Г. Водолазкина «Соловьёв и Ларионов» [5], в котором проблема нарративного залога приобретает принципиальное значение для структуры и философии текста.

Исследователи романа уже обращались к нарратологической методологии. Так, О.А. Гримова, рассматривая повествовательную структуру текста, выделяет в качестве доминирующей энигматическую интригу (разгадывание тайны), подчиняющую себе лиминальный (становления) и циклический любовный типы интриг [6, с. 62]. Н.В. Ковтун подчёркивает многоплановость семантических линий романа, конструкция которого «организована как коллаж разных срезов реальности: текстовой и метатекстовой, реальности генерала (первичной) и Соловьёва

(вторичной, созданной чтением)» [7, с. 130]. При этом такая структура, по мнению исследовательницы, «свидетельствует об изменении авторского присутствия в актуальной прозе, утрате права на единственную Истину» [7, с. 130]. В категориях диалогизма я–Другой и полифонии Н.В. Ковтун видит фактор выраженности в романе идеи релятивизма сознаний, отсутствия у них общего гносеологического и аксиологического центра. О.С. Рощина указывает на переход в сюжете от нарративной стратегии диалогического разногласия к диалогическому согласию «союзных сознаний нарратора и героев романа, постигающих смыслы, актуальные для каждого из них» [8, с. 197]. Здесь «актуальное для каждого» уже не воспринимается в однозначно релятивистском духе по причине указания на согласие, единство взаимодействующих лиц.

Новизна нашего исследования заключается в обосновании (как нарратологическом, так и философском) действия в романе именно полифонии «согласия», условием участия в которой является активное погружение личности в метафизический уровень бытия, принятие идеализма как объективной реальности. Актуальность работы обусловлена необходимостью преодоления кризиса коммуникации, связанного с идеями постмодерна о замкнутости субъекта, отсутствии возможности продуктивного межличностного диалога. Художественный универсум романа «Соловьёв и Ларионов», на наш взгляд, показывает, что инструментом преодоления кризисов современного мира может стать обращение к религиозным традициям, обеспечивающим усвоение человеком «идеального».

Основная часть. Сюжет романа построен вокруг двух взаимосвязанных линий: жизни историка Соловьёва, объектом научных интересов которого является биография белого генерала Ларионова. Применительно к фигуре историка залоговая проблематика развёртывается метафорично: изучая буквальные тексты – мемуары – Соловьёв пытается декодировать семиотический текст, сотворённый жизнью генерала.

Невозможность обращения напрямую (генерал уже мёртв) понуждает Соловьёва к тому, чтобы постигать личность Ларионова косвенно. Однако это постижение имеет отнюдь не канцелярский характер копания в архивах – научный поиск Соловьёва живой, действенный, и порой связанный с риском. Так, один из фрагментов рукописи ему помогает «выкрасть» Зоя, девушка, с которой у героя во время научной командировки завязался курортный роман. Соловьёв как бы проживает жизнь генерала, «входит в резонанс со своим материалом» [5, с. 331]: пытаясь выяснить детали поражения белых в конце гражданской войны, герой отправляется в Ялту, путешествует «по следам» генерала. Там линии героев переплетаются: «Первая встреча Соловьёва с морем происходила совсем не так, как это сложилось у будущего военачальника <...> к моменту появления на пляже исследователь успел ознакомиться с соответствующей частью генеральских воспоминаний» [5, с. 72].

Закономерен вопрос соотношения фигур изучаемого и изучающего. Повествователь, вкладывая в уста профессора Никольского слова «Что бы человек не изучал, он изучает в первую очередь самого себя» [5, с. 76], сам отходит как от ответа, так и от явного высказывания своего вне-персонажного мнения: «Изучая судьбу генерала Ларионова, изучал ли Соловьёв себя? Это был ещё один трудный вопрос, поставленный историком самому себе» с. 77]. В данном изречении видно желание повествователя самоумалиться, передать мысли от третьего лица рассказчика персонажу. При этом характер умаления в романе имеет не абсолютный характер – авторское (повествовательское) присутствие в нём выражено в нескольких формах. Это может быть и прямое указание, режиссёрская ремарка: «В разной степени чужда ему осталась и образность Г.В. Кривуляка, довольно, вообще говоря, незатейливая» [5, с. 98] (Здесь и далее курсив мой – А.Ф.), и имплицитное, которое выражается, прежде всего, характерными для романа ссылками, играющими не столько справочную, сколько семантическую роль. С помощью ссылок повествователь может шутить (затрагивая щепетильную тему научного финансирования ссылается на фикционального автора «Откатова У.Е.» [5, с. 28]) или указывать имманентную соотносённость повествуемого мира с реальностью, используя ссылки на литературоведческие работы Д.С. Лихачёва, Ю.М. Лотмана, А.Н. Веселовской и других исследователей [5, с. 257].

Подобное поведение первичного повествователя, не скрывающего себя как действующее лицо, но при этом и не позволяющего своему «авторскому» мнению заполнить всё пространство текста, наталкивает на необходимость привлечения здесь концепции полифонического романа. Указание М.М. Бахтина о том, что Достоевский «видел и мыслил свой мир по преимуществу в пространстве, а не во времени» [6, с. 36] соотносится с пространственной организацией романа «Соловьёв и Ларионов»: на фоне топонимической общности (нахождения в Ялте) между заглавными героями, вопреки времени, разделяющему их жизни, совершается диалог.

На близость романов Ф.М. Достоевского и Е.Г. Водолазкина в аспекте организации системы персонажного взаимодействия наталкивает и большая роль двойничества в «Соловьёве и Ларионове». Помимо диады главных героев, большую роль в познании Соловьёвым самого себя играют его научный руководитель профессор Никольский, возлюбленная детства Лиза, возлюбленная настоящего Зоя, коллега по изучению генерала Дюпон и многие другие. Характер Соловьёва часто раскрывается именно в отражении от иных персонажей: так частый семантический рефрен в романе – «Так говорил проф. Никольский» [5, с. 89] свидетельствует о большом влиянии мыслей руководителя и сознание молодого учёного, в фигурах возлюбленных отражается интимный характер личности Соловьёва, в признании его трудов опытной коллегой Дюпон видна научная зрелость историка. Познанию своего «я» – ключевой проблеме залога как философски расширенной категории – Соловьёву помогает Другой.

Концепции М.М. Бахтина о полифонии и о Другом часто смешиваются. Принципиальное разграничение данных понятий осуществляет Г.С. Батищев. Если диалог с Другим осуществляется с позиций субъектов-атомов, когда «не приемлется никакой третьей действительности, ценностной вертикали» [7, с. 127] и «каждый сохраняет

себя не подвергаемым проблематизации, ради торжества своего собственного мерила», то полифония имеет антирелятивистский характер: «в объемлющем третьем оба находят ненавязчивую, непредписанную общность», а «агапическое отношение, или любовь, очищенная от всего гедонистического, обладательного» [7, с. 127–139]. В исследуемом романе такой обобщающей многоголосие персонажей является личность генерала – изучение его судьбы так или иначе занимает всех и для всех имеет практически бескорыстный характер. Однако в процессе работы над узнаванием постороннего третьего персонажи осуществляют «движение к пониманию собственных судеб» [8, с. 130] и даже заражаются тёплыми чувствами друг к другу: об этом свидетельствует и уже упомянутый курортный роман главного героя на фоне работы с поисками документов, и особенно, линия с первой любовью Соловьёва – Лизой.

В начале романа указывается: «для настоящего повествования небезынтересна фамилия Лизы – Ларионова» [5, с. 21]. Позднее, ошеломлённо осознав возможность родства Лизы и генерала, Соловьёв пускается на поиски первой любви, оставленной им в молодости. Ясно, что характер заинтересованности здесь – корыстный, «атомический», однако в процессе поисков герой всё больше убеждается в глубине своих чувств, и уже несмотря на то, что факт требуемого родства опровергнут, продолжает – его интерес уже выходит за рамки прагматичного. Именно после этого перехода Лиза отсылает Соловьёву очень важные фрагменты мемуаров Ларионова, найденных ей в библиотеке, – отсылает именно тогда, когда корыстный интерес Соловьёва устранился.

Выделяемые М.М. Бахтиным категории «Я-для-себя», «Я-для-другого», «Другой-для-меня» соотносятся с гносеологией интуитивизма Н.О. Лосского, который выделяет категории для-себя-бытия и для-другого-бытия с. 152]. Философия интуитивизма рассматривает процесс познания как «акт непосредственного созерцания предметов в подлиннике» [9, с. 137], то есть полноценное «схватывание» (так, что она становится имманентна сознанию) одной из сторон познаваемого явления. В результате интенционального акта в сознании содержится «смысл и содержательность» [9, с. 139] объекта, а не внешние проявления, «чужие телесные процессы» [9, с. 173], какие, по словам Н.О. Лосского, находятся в центре внимания феноменологии Эдмунда Гуссерля.

Рассматривая категорию нарративного времени, Жерар Женетт выделяет такие типы наррации, как последующая, предшествующая, одновременная и включённая (между моментами действия) [1, с. 405]. Как видно, у Жерара Женетта между историей и нарративом существует единая система темпоральных координат, позволяющая различить порядок следования. Иначе воспринимает время познающего субъекта интуитивизм Лосского, утверждающего, что в отличие от воспринимаемых объектов «Я, служащее объединяющим центром сознания, не имеет временной формы» [9, с. 141]. Такое «сверхвременное существо, которое есть источник и носитель своих проявлений во времени» [9, с. 142] есть субстанция. Примечательно, что философ, следуя духу Бахтина в преследовании конкретного, предпочитает говорить не просто «субстанция», а «субстанциальный деятель» – особенно персонализируя познающее Я.

Данная метафизическая неоднозначность усложняет применение терминологии Жерар Женетта к разворачивающемуся в рамках рассказывания художественному миру. В характеристике лица как нарративной категории Жерар Женетт учитывает два фактора: экстра/интра-диегетичности (основывается на категории повествовательных уровней, находится ли в принципе повествователь на том же «срезе», что и его повествование) и гомо/гетеро-диегетичности (является ли повествователь не просто имманентным повествуемому, но действительно включённым, как персонаж) [1]. Возникает вопрос: как различать характер включённости и сосуществования повествователя и персонажа, если речь идёт об их субстанциальных природах, а не явленных? Об этой относительности утверждения бытия/небытия в жизни говорит эпизод, когда генерал перерабатывает папку с информацией о знакомых ему людях, названную «Живые и Мёртвые»: «"Отчего, ... я, которого должны были расстрелять ещё в 1920 году, жив, а те, кого расстреливать не собирались, – мертвы?" ... Все листы из папки Мертвые он перенёс в папку Живые. Подумав, он вложил свой лист в папку Мёртвые» [5, с. 264].

Несовершенство «явленных» жизней, разворачивающихся во времени, отмеченное генералом, решается Н.О. Лосским как раз при переходе к анализу не «отражений» личностей, а их первопричин – субстанций: «Сверхвременность и сверхпространственность индивидуального, т.е. субстанциального деятеля, обязывает признать, что субстанциальный деятель принадлежит к области идеального бытия» [9, с. 181]. Пространственная соотнесённость главных героев романа подчёркивает умаление в нём темы темпоральности: «кадет Ларионов не мог знать, что в силу связанности всего на свете на той же прямой (Ждановская набережная, 11) будет снимать комнату историк Соловьёв, изучающий борьбу генерала Ларионова...» [5, с. 170]. Роль самого пространства же условна: те или иные топосы сменяют один другой, служат скорее отсылающими к ментальным и сверхпространственным ориентирам. Примечателен следующий эпизод: «Он думал о единственной точке на земле, где сошлось всё, что в разное время было в его жизни значимо: рукопись генерала, Лиза Ларионова (Лиза Ларионова!), наконец, его собственный дом. Он думал о станции 715 километр» [5, с. 279]. Тот факт, что станция 715-й километр является малой родиной Соловьёва, обозначает здесь, как явное безразличие ко времени сочлениется со вниманием не к пространству, точке как таковой, а как раз к тому, к чему она отсылает – теме детства.

Пространство детства выступает ментальным мостом между биографиями заглавных героев романа: исследуя юношеские годы Ларионова, Соловьёв думает и о своём собственном детстве – а для читателя данные нарративы разворачиваются попеременно, порой плавно перетекая один в другой. Так, посредством Другого для героев происходит актуализация уже прожитого. Актуализация как повторение служит естественным средством умаления категории времени – сущность прожитого остаётся вне темпоральности. Через повторение проводится

ещё одна параллель между Соловьёвым и Ларионовым: «большинство событий в его долгой жизни успело повториться – и не по одному разу. Для того, чтобы не дать им слиться окончательно, генерал решил вернуться к брошенному им было труду историка» [5, с. 139].

Актуализация детских воспоминаний является ключевым мотивом эпилога романа, когда генерал, ожидая скорое пришествие красных, с помощью театральных декораций «прячет» своих солдат, наряжая их трубочистами, чистильщиками ботинок, нищими – словом, расставляет всё так, как зафиксировало его детское сознание: «Будку на Морской генерал приказал передвинуть от угла на пятьдесят метров: в его детстве она стояла именно там» [5, с. 395]. Мотивация данного повторения как бы проясняется одним, из персонажей: «– На том, что уже однажды состоялось, лежит печать проверенности» [5, с. 395]. Детство, наполненное для генерала чистотой и светом, позволяет не только сохранить жизни подчинённых, но и достойно встретить ожидаемую им смерть в лице подступающих красных командиров: «Генерал снова закрыл глаза и представил, что сейчас лето. Шум моря заглушает то, что могло бы доноситься с набережной. Колёса экипажей, крики продавцов кваса, плач детей. Шелест пальм. Жарко» [5, с. 405].

Счастливым образом генерал остаётся жив. Его представление детского лета как пространства блаженства формирует иную реальность, подтверждая сказанные повествователем слова: «Если вынести за скобки время, граница между вымыслом и реальностью исчезает» [5, с. 315]. Примечателен здесь подход Лосского к памяти, согласно которому воспоминание «есть интенциональный акт, направленный субъектом через пропасть времени прямо на событие, пережитое или воспринятое вчера или даже 20 – 30 лет тому назад; при этом акт воспоминания есть теперешнее событие, а вспоминаемое есть само прошлое в подлиннике, опять наличествующее в сознании» с. 151]. Именно субстанциональный деятель является актуализирующим лицом, работающим непосредственно с произошедшим событием, рассматривая его в рамках разворачивающегося бытия.

Субстанциональный деятель принадлежит идеальному бытию, и генерал признаёт первенство идеального: «– Ну, конечно, смерть приходит только к телу человека. Просто я забыл о самом главном» [5, с. 355]. Характерен эпизод разговора генерала с аптекарем-материалистом, когда персонажи во время обсуждения смерти рассматривают её с разных сторон, не слыша один одного: «– Может, естественна как раз та смерть, которая приходит к человеку в рассвете сил? – При том, что его объём составляет 1456 см³. – Может быть, в смерти на высшей точке есть своя логика? – И состоит он на 80 из воды. Это так, к сведению» [5, с. 395]. Здесь видно, что вертикальным центром, обеспечивающим возможность полифонии, полноценного слышания Другого, является концепция вневременности, вернее принятие этой концепции субстанциональной личностью.

Гетеродиегетический повествователь романа не участвует в рассказываемой истории напрямую, но оказывается непосредственным соучастником персонажей в сфере идеального, вступает с ними в полифонический диалог, и напротив, отрицающий для себя метафизическое так и остаётся атомическим Другим, непричастным всеобщему гармоническому многоголосию. Одним из критериев принадлежности к «метафизической» группе становится ориентация на личность ближнего. Для субстанционального деятеля, признающего всеединство или – в терминологии Н.О. Лосского – координацию, важным оказывается не только залоговый аспект активности (собственно делающий его деятелем), и не столько аспект возвратности как направленности на себя, сколько переходность, которая, находясь на лингвистической периферии, оказывается в центре залоговости метафизической, устремлённой к полифоническому согласию.

Заключение. Таким образом, в романе Е.Г. Водолазкина «Соловьёв и Ларионов» категория нарративного залога расширяется метафизически. Центральной становится проблематика познающего субъекта, возможности и специфики его взаимодействия с явленными в окружающем мире объектами. Понятие субстанционального субъекта Н.О. Лосского не вмещается в «формальные» категории нарратологии ввиду его вневременной находимости. Такой деятель сосуществует вне темпорального порядка и на едином, «нулевом» повествовательном уровне, представляющим собой сферу идей, вместе с другими персонажами. Условием преодоления кризиса коммуникации и осуществления полноценного межличностного диалога в романе становится действительное принятие идеального.

ЛИТЕРАТУРА

1. Женетт Ж. Фигуры. В 2 т. Т. 1. Т. 2. – М.: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с. – URL: <https://yanko.lib.ru/books/lit/jen-net-figuru-1-2-1998-1.pdf>.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с фр., под ред., с вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
3. Шатунов Р.С. Категория залога в современном русском языке: теоретический и методический аспекты: магист. дис. // Урал. фед. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Урал. гуман. ин-т. – Екатеринбург, 2019. – 114 с. – URL: <https://elar.ufu.ru/handle/10995/78053>.
4. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопросы языкознания. – 1976. – № 3. – С. 20–35. – URL: <https://vopjaz.jes.su/s0373-658x0000621-6-1-ru-2022/>.
5. Водолазкин Е.Г. Соловьёв и Ларионов. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2024. – 409 с.
6. Гримова О.А. Нарративная интрига в современном романе (Е.Г. Водолазкин «Соловьёв и Ларионов») // Культурная жизнь Юга России. – 2015. – № 1. – С. 60–62. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnaya-intriga-v-sovremennom-romane-e-g-vodolazkin-soloviev-i-larionov>.
7. Ковтун Н.В. «Генерал Ларионов как текст» и его толкователи (роман Е. Водолазкина «Соловьёв и Ларионов») // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2023. – № 3(55). – С. 115–135. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/general-larionov-kak-tekst-i-ego-tolkovateli-roman-e-vodolazkina-solovyov-i-larionov>.

8. Рощина О.С. Нарратор в романе Е. Водолазкина «Соловьев и Ларионов» // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 192–198. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrator-v-romane-e-vodolazkina-soloviev-i-larionov>.
9. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Худ. лит., 1972. – 482 с.
10. Батищев Г.С. Диалогизм или полифонизм? (Антитетика в идейном наследии М.М. Бахтина) // М. М. Бахтин как философ / С.С. Аверинцев, Ю.Н. Давыдов, В.Н. Турбин и др. – М.: Наука, 1992. – С. 123–142.
11. Лосский Н.О. Учение о перевоплощении; Интуитивизм / Предисл. В.П. Филатова. – М.: Прогресс: VIA, 1992. – 207 с.

Поступила 19.10.2025

**NARRATIVE VOICE AS A METAPHYSICAL CATEGORY
IN E.G. VODOLAZKIN'S NOVEL «SOLOVYOV AND LARIONOV»**

A. FEOKTISTOV
(Belarusian State University, Minsk)

The article describes the «formal» content of the narrative voice category, which is based on the opposition of activity/passivity in the center and transitivity/intransitivity on the periphery. These semantic properties are considered as prerequisites for reflecting the narrative voice as a philosophically filled category in E. G. Vodolazkin's novel «Solovyov and Larionov». The analysis of the motifs of doubleness and childhood in the novel suggests that in its artistic universe, the idea of polyphonic orientation towards the Other is complemented by the concept of existence in a single ideal space of substantial agents according to N. O. Lossky. Due to the fact that it is precisely the orientation towards the object-Other that is the factor determining an individual's involvement in the substantial space, for the narrative voice as a metaphysically filled category, the indicator of transitivity/intransitivity is centered — it becomes more significant.

Keywords: *narrative voice, Solovyov and Larionov, polyphony, doubleness, substantial agent, Other, childhood.*